

Русский язык и русская речь: парадоксы современности¹

Татьяна Балыхина

Активные тенденции в современном русском языке. Язык и время - одна из проблем, волнующих исследователей. Язык живет во времени, а время отражается в языке, точнее оказывает влияние на язык. Возросшие темпы языковых изменений объясняются прежде всего меняющимся составом и обликом русского общества, сменой социальных, политических, экономических, а также психологических установок.

Раньше источником нормы была художественная литература, в ней черпал свои ресурсы язык (поэтому он и называется литературным). Сейчас ситуация изменилась. Русская речь во многом обновляется через язык СМИ, разговорную сферу. Телевидение, радио становятся законодателями речевой моды, воспитателями языкового вкуса - нередко невысокого класса. Однако игнорировать эти процессы нельзя, в них заложены объективные потребности нового поколения - более технически образованного, более раскованного, более контактирующего с носителями других языков.

На языковые процессы, особенно на расширение словаря, влияет развитие науки, техники. Приведем для сравнения такие цифры: словарь произведений А.С. Пушкина насчитывает 21 тыс. словоупотреблений, Вильяма Шекспира — 24 тыс., а в последнее издание словаря С. И. Ожегова включено 72 500 слов и 80 000 фразеологизмов. В то же время развитие электроники, компьютерных технологий привело к появлению 60 тыс. наименований; в химии, по данным Н. Л. Васильева, насчитывается около 5 млн. номенклатурно-терминологических наименований. При этом в развитии русского языка обнаруживаются процессы, стимулированные извне и внутренними законами языка.

Один из них - *закон системности*; другой - *закон традиций*, сдерживающий инновации; далее - *закон аналогии*, подрывающий основы закона традиций, а также действуют *законы экономии* (наименьших усилий в выражении мысли) и *противоречий* (готовящий как бы «взрыв» изнутри).

¹ An earlier version of this paper was presented at the International Forum on the Teaching of Russian in North America, 17-19 October 2007, at ACTR, Washington, D. C. The forum was funded by the Russian Ministry of Education and Science in cooperation with the Russian University of Peoples' Friendship (RUDN).

Примером закона традиции можно считать сохранение ударения в словах *включить* - *включит*, *звонить* - *звонит*.

Закон аналогии, т.е. уподобление одной формы другой, действует, к примеру, в случае *читать* - *читаю* и *махать* - *махая* (разг.) вместо *машу*.

Закон речевой экономии проявляется в употреблении, особенно в устной речи, простых форм вместо сложных: *гречневая крупа* - *гречка*; *Брат сказал, что придет отец*. - *Брат сказал о приезде отца*; он проявляется и в аббревиатурах: *вуз*, *РУДН* и т. д.

Действие закона противоречий, к примеру, можно увидеть в том, что меняются наименования родства, вместо *деверь* - *брат жены*, вместо *шурин* - *брат мужа*; в устной речи появляются признаки письменной и даже её символика: *человек с большой буквы*, *доброта в кавычках*.

Всё сказанное выше обусловило изменения на разных уровнях (ярусах) языковой системы, в частности на фонетическом уровне. Один из случаев - усиление буквенного (графического) произношения. Так, вместо [шн] в подавляющем большинстве слов произносится [чн] *булочная*, *перечница*, кроме слов *конечно*, *скучно*, *нарочно*, *яичница* и женских отчеств: *Ильинична*. Произношение победило написание ё: *маневр* (вместо *манёвр*), *блеклый* (вместо *блёклый*). Иногда язык не приходит к окончательному выбору нормы произношения, образуются варианты типа *творог* - *творог*, *боржом* - *боржоми*, *бриллиант* - *брильянт* и др. Обнаруживается тенденция к ритмическому равновесию при постановке ударения. Помните у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «*Имел он счастливый талант ...*» (сейчас *счастливый*). Ударение все чаще смещается к середине слова: *сахар* - *сахаристый* (раньше) - *сахаристый* (сейчас), *золото* - *золотистый* и др.

Как известно, в современный русский язык «хлынули» заимствования; при этом основной принцип заимствования - следование ударению языка-источника: в словах на *-ер*, *-ор*, *-инг* ударение сохраняется на первом слоге (*менеджер*, *бартер*, *брифинг*), в словах на *-лог*, если они обозначают неодушевленные понятия, *лог* - ударный слог (*каталог*), если - одушевленные, то ударение переносится на предпоследний слог (*филолог*, *мифолог* - раньше *лог* оставалась всегда ударной). То же наблюдаем в словах *лексикограф*, *хронометр*.

Безусловно, активные процессы наблюдаются в русской лексике и фразеологии. Словарь стремительно растет, так как, по подсчетам ученых, объем знаний, которыми располагает человечество, удваивается каждые 10 лет. Кроме того, ориентация СМИ на непринужденное общение, изменение психологического отношения к языку привело к тому, что языковые традиции жестко не сковывают человека, ослабла официальность в формах выражения, расширилась сфера спонтанного, неподготовленного общения. Официальные лица уже не говорят «*по бумажке*», *отказались от «ритуального языка»*. Вместе с тем речь многих людей, особенно публичных, далека от совершенства. Это и вызывает опасения по поводу «порчи» языка.

Перечислим наиболее заметные тенденции в языке:

1) уходят из употребления целые пласты лексики, обозначавшие советские реалии: *колхоз, соцсоревнование*;

2) возвращаются в активный словарь историзмы, периферийная лексика, при этом происходит стилистическая переоценка слов: *бизнес, предприниматель, торги*;

3) создается новая фразеология: *дикий рынок, отмывание денег, лицо кавказской национальности, новые русские* и др.;

4) создается новый политический словарь: *аграрный социализм, околосоветская группировка, околокоммунистические взгляды, минипутч* и др.;

5) формируется «знаковый» словарь эпохи: *крутой* (о богатом бизнесмене), *облом* (неудача), *тусовка* (общение), *разборка* (сведение счетов, выяснение отношений), *беспредел* (уголовный жаргон - бунт в зоне) - при этом многие слова пришли из жаргонов и - в отличие от их литературных синонимов - подчеркивают степень проявления какого-либо признака;

6) благодаря рекламе возникают новые штампы, клише: *рекламная пауза, сладкая парочка* и др.;

7) расширились значения известных слов: *диско-клуб, бизнес-клуб, торговый дом, Торговая палата*;

8) происходит деидеологизация и деполитизация лексики: *предприниматель* означало раньше *капиталист*, *делец* (отрицательная коннотация) — сейчас имеет значения *владелец предприятия, фирмы, деятель в экономической, финансовой среде* (нейтральное и даже «приподнятое» значение);

9) переосмысливаются значения слов, происходит расширение, сужение значений, метафоризация: *позвоночник* - *лицо, получившее должность по звонку*, *челнок* — *торговец привезенным товаром*, *подснежник* -

таксист-частник, захлопывание - хлопнуть, чтобы заставить замолчать и др.;

10) возрождается лексика, относящаяся к духовным традициям: *милосердие* (раньше — *помилование, жалость*; сейчас - *благотворительность*);

11) создаются новомодные слова для привлечения журналистами внимания массового читателя, зрителя: *знаковая, культовая фигура* (*важная, особая*), *приезды* (вместо *неоднократный приезд*);

12) происходит либо стилистическая нейтрализация слов, либо стилистическое переосмысление. Так, утратили книжность слова *достояние, деяния, евангелие* (*политическое евангелие*), *храм* (*храм науки*), *держава* (*слаборазвитая держава*);

13) наблюдается эвфимизация слов, сокрытие их истинного смысла, смягчение фоновых знаний об этих словах: *компетентные органы* (вместо *ЧК, НКВД, КГБ*), *физическое устранение* (вместо *убийство*), *пойти на крайние меры* (*вести войска*), *зачистка населенного пункта*;

14) повышается метафоричность языковых и речевых средств: *коридоры власти, корабль реформ, острова тоталитаризма*;

15) расширяется детерминологизация специальных слов: *склероз* (мед. термин) *совести, алгебра* (матем. термин) *идей, вирус* (мед.) *недоверия, энергетика мыслей, логика чувств, дипломатическая гигиена*;

16) вытесняются английскими заимствованиями не только русские, но и слова из других языков: *сэндвич* (вместо *бутерброд, немец.*), *слоганы* (вместо *лозунги, немец.*), *хит* (вместо *шлягер, немец.*), *дисплей* (вместо *экран, франц.*);

17) сформировался специальный язык, компьютерный, из сленга и техницизмов: *байт* (*единица измерения информации*), *дисковод* (*устройство для чтения информации*), *курсор* (*значок на экране монитора*), *мышь, клавиша* (*клавиатура*), *Айболит* (*программа антивируса*), *квотить* (*цитировать*), *клоки* (*часы*) и др.;

18) в бытовой, повседневной речи наблюдается взаимодействие

разных подсистем языка: *Вышла замуж за контингента. В доме живет лимита;*

19) проявляется тенденция к огрублению речи как следствие ее раскрепощения и как реакция на негативные явления жизни: *наехать (обругать), кинуть (оставить в беде), отстегнуть (дать денег).*

Бесспорно, как мы уже указывали, «живой как жизнь» (Н.В. Гоголь) язык постоянно развивается. Как правило, обычный шаг, в течение которого накапливаются существенные сдвиги в языке, составляет от 20 до 40 лет и более. Это так называемый умеренно-динамический тип языковой эволюции. Существовавшая ранее «крепость» литературных норм, цензура письменной и публичной речи противостояла любым ускорениям. Даже в эпоху бурных петровских реформ Петр Великий упрекал своих послов: «употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова, за которым самого дела выразуметь невозможно». Достаточно часто случалось, что слово утверждалось в языке, фиксировалось в языке, затем по этическим или политическим соображениям изымалось из обихода. Известно об интересной судьбе слова *хрущ*, которое в Словаре русского языка С.И. Ожегова толковалось как *название некоторых жуков* и иллюстрировалось следующим примером: «*Хрущ - вредитель сельского хозяйства*». В конце 50-х - начале 60-х гг. цензура усмотрела в нем некий ядовитый политический намек.

Современную эволюцию в языке можно с уверенностью охарактеризовать как высокодинамическую, что во многом обусловлено динамикой развития языка бизнеса. Бизнес, как и его язык, «вырвался» на свободу (ситуацию, существовавшую до этого, на наш взгляд, хорошо характеризует высказывание Гете: «Самое большое рабство, не обладая свободой, считать себя свободным»). Что привнесла с собой в языковые процессы свобода? Не требуется ли сейчас - даже профессионалу - логия, чтобы разобраться в обилии существующих понятий? Каковы основные черты языка бизнеса, как одного из языков в специальных целях?

Прежде всего язык, функционирующий в исследуемой сфере деятельности, без сомнения, литературный язык, который

содержательно редуцирован, насыщен специальными словами и выражениями, использование которых предполагает необходимый профессионализм, компетентность. Это язык вербальный с развитой тенденцией к привлечению авербальных (таблицы, схемы, графики, рисунки) и паравербальных речевых средств. Это язык с постоянной тенденцией к интернационализации. Причина последней не столько в американизации делового языка, сколько следствие того факта, что профессиональные знания сейчас более не имеют границ.

Новый деловой язык четко выполняет эпистемическую функцию - отражение действительности и хранение знаний; когнитивную - получение нового знания; коммуникативную - передача специальной информации.

Язык бизнеса - это полиструктурная система, в которой наличествует научный язык, профессиональный разговорный язык, служащий для повседневного общения, и так называемый «распределяющий» язык - язык рекламы, торговли и т.д.

Поскольку, как и язык в целом, язык бизнеса - «не мертвый часовой механизм» (Гумбольдт), не язык человека молчащего (Н.И. Жинкин)», в настоящее время в нем ярко проявились тенденции, в чем-то разноплановые и даже противоречивые.

Одной из магистральных в последние годы стала тенденция к гармонизации лексических единиц, терминов, терминированных слов, основная задача которой - обеспечить сопоставимость терминологии национального и международного уровней. Так, например, произошла известная коррекция понятий *бизнес*, *рынок*, *биржа* и др. Раньше положение указанных слов было, так сказать, «андеграундным». Достаточно вспомнить, что определение слова *биржа* в толковом словаре начиналось пометой: «В буржуазных странах...». Ныне происходит их освобождение от негативной социально-политической коннотации. Это своего рода семантико-оценочная ревизия в языке бизнеса, результатом которой становится приобретение словом нейтральных и даже положительных качеств (сравним: *работодатель*, а не *наниматель* или *хозяин*).

Гармонизация языка бизнеса проявляется и в том, что из «старой книжности», для которой всегда был характерен высокаторжественный оттенок, возвращаются слова *благодетельность, прошение (заявление), гильдия* и др.

Как сказано выше, проявление тенденции к гармонизации осуществляется противоречиво. Известно, что в специальном языке, особенно в терминологии, ощутима элиминация эмоционально-экспрессивных элементов. Однако при нарастающей гармонизации обнаруживается много недвусмысленно оценочных слов, словообразовательных элементов: *беззаконие, беспредел* (отмечается частотность образований с приставкой *без-, бес-, недо-* и др.). Многие из популярных слов пришли в бизнес из жаргона, расширяя при этом свой смысл: *беззаконие, беспредел власти, чиновников* и др.

Стремление к книжности соперничает с разговорной и просторечной экспрессией. Частотным в словообразовании стал суффикс *-ок*, привносящий в лексическую единицу разговорную раскованность, граничащую с пренебрежением: *В Китае был большой скачок, в России - большой хапок.*

Специальное слово может оказаться негармоничным, содержащим крайне негативную оценку в том случае, если называемые им реалии чувствительны, даже болезненны для общества. Такими оказались слова *ваучер, приватизация*, освоенные тысячами россиян, а не только бизнесменами, до такой степени, что в речи обывателя встречаются такие пассажи: «Вчера в метро у меня кто-то приватизировал кошелек».

Еще одна тенденция в языке бизнеса, не менее актуальная и активная чем первая, - интернационализация. С одной стороны, из конкурирующих, сосуществующих наименований язык бизнеса выбирает лексические единицы не по национальному признаку, а из соображений целесообразности - краткие, емкие, обладающие хорошими словопроизводными качествами. Вместе с тем глобальная распространенность английского языка - ее именуют нередко галопирующей - приводит к вытеснению прижившихся в русском языке, освоенных из других европейских языков слов: *пресс-конференция* (франц.) вытесняется *брифингом*, *авторитет - рейтингом*, *реклама - паблисити* и др.

Такого рода повторная (многообразная) номинация ведет к избыточности языковых средств. Тогда и требуется логика, чтобы разобраться в обилии слов и понятий.

Язык бизнеса, политехнологий способствовал появлению интержаргона - причудливой смеси иностранных слов и просторечий: *ноу проблем*. Наблюдается приспособление английских слов и выражений к русским грамматическим, фонетическим, словообразовательным традициям. Например, при общеязыковом употреблении множественного числа существительных (*участвуют в мелких бизнесах* - по аналогии *-делах*), из английского языка путем прямого заимствования в язык бизнеса проникают слова с маркированной служебной морфемой *-с* (s): *баксы, экономикс*. Публицисты даже высказывают опасение по поводу активизации этой новой грамматической формы среди старых слов: *валенокс, чайникс*.

Известно, что специальный язык стремится к системности, мотивированности, прозрачности. Этими и другими причинами обусловлено тяготение к усложнению структуры специальной единицы, чтобы передать наибольшее число признаков того или иного понятия, объекта. Однако в практике имеет вес и силу закон экономии языковых средств за счет лексического сокращения, сокращения словообразовательными средствами. С этим связано появление таких слов, как *Внешэкономбанк*, а также единиц с разговорно-непринужденной структурой и окраской (*наскок, нал, негатив, напряг* и т.д.).

Такие новообразования трудно оценить однозначно. Вместе с тем важно примирить требования научной точности и практической краткости. И конечно, понимая, что, с одной стороны, терминологические инновации связаны с некоторыми отклонениями от нормы на определенных уровнях языковой системы, а с другой, что бизнес и его язык - области, которые находятся на переднем фланге научной и профессиональной деятельности, нужно стремиться к благозвучности, взвешенности средств анализируемого языка, к недопустимости такого словесного импорта, смешанного с бытовым русским, как *бизнесмениша, шоппер-авоська, крутота, общак, мухлеж, холуяж*.

Иностранные исследователи утверждают, что в отличие от русского характера, который, как правило, противится новшествам, русский язык нередко податлив моде. Не хотелось бы, чтобы в ближайшем будущем русскому языку предпринимательства, бизнеса потребовалась чрезвычайная экологическая акция.

Как уже говорилось выше, язык проявляет себя, «свой нрав» в речи. Для человека из мира предпринимательства правильная речь - знак его интеллигентности, компетенции.

Среди 6 правил, которые обозначила Джен Ягер в книге «Как выжить и преуспеть в мире бизнеса», есть требования к внешнему облику, манерам, одежде делового человека и требования к его речи. В речи важны не только точность и уместность словоупотребления, но и экспрессивность, тональная вариативность.

Из классической литературы мы знаем, как тщательно Чичиков в «Мертвых душах» готовился к деловому разговору. Но есть и реальные факты. Известно, что, продумывая особо важные выступления, У. Черчилль делал на полях пометы по поводу пауз, понижения или повышения голоса и т.д. Не следует думать, что сфера бизнеса требует «засушивать» речь. Напротив, речь профессионала должна в хорошем смысле удивлять. Язык своими богатыми ресурсами позволяет сделать это.

Сейчас в профессиональной речи, речи делового человека получает развитие смеховая культура: намеки, каламбуры, ирония. Приведем хрестоматийные примеры намека, иронии:

Однажды, когда в британском парламенте шли очередные дебаты, речь перед своими оппонентами держал Черчилль, высмеивая своих противников. Не выдержав, пожилая и некрасивая лейбористка крикнула на весь зал: «Черчилль, вы несносны! Будь я вашей женой, то подлила бы вам в кофе яд!» Реакция Черчилля, всегда готового парировать, была моментальной и острой, с намеком: «Если бы вы были моей женой, то я бы с на-слаж-де-ни-ем выпил этот яд».

На одной из деловых встреч в США космонавту А. Леонову было сказано, что все исследования в космосе слишком дорого обходятся России. Леонов

согласился, но обыграл это так: «Наверно, и испанской королеве было жалко денег на экспедицию Колумба, однако она их дала. Кто знает, когда бы открыли Америку, если бы королева Испании тогда пожадничала» и т.д.

Бизнесмен, сродни дипломату, должен, если позволяют обстоятельства, искать умную и остроумную оболочку для выражения мыслей, для высказываний, исключать из речи агрессивность, цинизм. Так, активно «эксплуатируется» в разговорной речи предпринимателей игровой потенциал русской морфологии и семантики: *пепсизм-кокализм, пепсиний день календаря, цены ниже уровня моря* (использована гипербола для создания нового полюса шкалы оценок), *перпетум мебели* (каламбур, построенный на аналогии), *ельЦЕНЫ* (актуализировано построение, основанное на совмещении двух смысловых планов - фамилии *Ельцина* и слова *цена*).

Актуальные процессы в современной русской речи – исключительная особенность русского литературного языка заключается в его постоянном совершенствовании путем включения в систему все новых и новых, поначалу структурно и содержательно чуждых элементов и определения отношения к ним: заимствовать или исключить. В.В. Колесов называет это качество русского языка, современной русской речи «выживаемостью», точнее «силой выживаемости» в новых социальных условиях, позволяющей гибко откликаться на потребности времени (3, с. 14).

Вместе с тем современный литературный язык и современная русская речь отличаются от данных феноменов прошлых этапов развития тем, что а) устная форма речи стала столь же авторитетной и важной, как и письменная, а это привело, в свою очередь, к функциональному «столкновению» литературного языка с разговорным; б) обозначилось противостояние между системой и нормой: отточенная в своем совершенстве система языка делает в некотором смысле норму «излишней» (на самом деле данная языковая ситуация объясняется также тем, что ослаблена кодифицирующая деятельность авторитетных организаций и лиц: театр – актеры, телевидение – дикторы, справочники, допускающие колебания и принимающие языковые и речевые варианты, – языковеды; современная русская литература характеризуется многожанровостью, что порождает стилистические колебания и делает

«целесообразным» их существование); в) изменяется материальная основа существования литературного языка: образцовым текстом становятся не только художественный или научный, но и публицистический с его современными «вольностями»; г) исчезает высокий стиль, его место постепенно занимает средний, нейтральный, нормативный стиль, на уровень же последнего выходит разговорный. Научно обосновывая данную ситуацию, В.В.Колесов с болью признает: «Мы становимся беспамятными в своем прошлом, потому что сами же разрушаем функционально взвешенную систему трех стилей, стремясь за веком в сиюминутных его новшествах. В то время как «итальянцы читают Данте, а французы Расина как своих современников (глубина залегания их культуры весьма значительна) – мы не можем читать без перевода ни Слово о полку Игореве, ни протопопа Аввакума» (3, с. 142).

В.К.Харченко, рассуждая о современной речевой культуре этноса, обращает внимание на ряд причин «разговорного сверкания языка» (5, с. 8). В любом обществе, по мнению исследователя, именно высшие слои и их представители выполняли функцию идеалоносителей нации. «В России постоянно ощущался и продолжает ощущаться дефицит элитарных слоев населения. Революция, эмиграция, война, раскулачивание, чистка..., демографический кризис, неуверенность в завтрашнем дне и многое другое приводили и продолжают приводить к дефициту лучших людей общества. Проблема дефицита лучших есть проблема дефицита образцов для подражания. Поэтому, когда говорят о распространении сквернословия, о безликости научных публикаций, агрессивности русских, о нетребовательности к форме речи, проявляющейся, например, в утрате склонений имен числительных, когда все эти наблюдения педалируют, будем помнить о пережитых Отечеством исторических катаклизмах» (5, с. 9).

В нашей статье хотелось бы тем не менее рассмотреть процессы, происходящие в русской речи с позитивной точки зрения, поскольку объективная оценка явления не есть нахождение плохого, спорного. Маргарет Мид справедливо замечает по этому поводу, что в человеческой природе есть интересная особенность: с развитием цивилизации людей начинает больше интересовать плохое, нежели хорошее. Возможно, это бумерангом возвращается в язык, речь. Исследователи (Ф.А. Литвин) отмечают, что у слова «хороший» семантическое гнездо в разных языках

меньше, нежели у слова «плохой», позитивные эмоции в русском языке номинируют 95 фразеологизмов, нейтральные – 75, тогда как негативные эмоции передаются 309 фразеологизмами (2, с. 8).

Итак, современная речь – это живая речь в многообразии ее проявлений, призванных регулировать социализацию и индивидуализацию личности и характеризующихся такими признаками, как сиюминутность, непринужденность, спонтанность, приватность, эмоциональность, вежливость, гиперболизация, междометность (5, с. 153). Междометность речи сигнализирует, по мнению В.Д. Девелина, о творческом отношении к речевому взаимодействию. Это характерная черта разговорного дискурса, концентрированное, непосредственное выражение эмоций. Междометность, а конкретнее звукоподражание, перестало быть «прерогативой» детской речи; более того поражает обилие и многообразие «междометного материала», так как в разряд речевых «приставок к чувствам» (так М.К. Мамардашвили назвал междометия) переходят знаменательные части речи, словосочетания, фразеологизмы («*Полный Елец!*», «*Кошмар!*», «*У неё женского мяу-мяу нет!*»).

Хезитация – известный речевой прием заполнения пауз, сигнализирующий либо о неподготовленности, либо о непринужденности речи. Российские педагоги, лингвисты сейчас активно протестуют против засорения речи *ну, как бы, значит, короче, типа, это самое* и др. Хотя причины хезитации не в демократизации норм общения, они глубже: неумение молча подбирать слова – свидетельство небогатых читательских вкусов, бедной речевой практики, следствие подражания дозволенному.

Опора современной речи на ситуацию, сиюминутность, берущих на себя передачу части информации (компенсаторная функция ситуации) развило такое свойство речи, как компрессия, сжатие речевых форм. Последнее может быть преднамеренным и непреднамеренным наложением частей слова, частей высказывания. Помните в фильме «Осенний марафон»: «*Твоя Н.Е.*» (*Нина Евлампиевна*). Компрессия способна выразить эмоции, настроение, отношение, драматизм переживаний.

Контаминация была и остается одной из игровых речевых тактик и одним из разновидностей компрессии: «*ЕльЦЕНЫ!*», «*Не плюй в колодец: вылетит – не поймашь*». Это примеры преднамеренной контаминации,

или наложения синтагм и смыслов. Сейчас таким средством языковой игры «захвачена» публицистика, реклама, причем, на уровне наложения смыслов (Ср. известное выражение и его историческую интерпретацию «Казнить нельзя помиловать» и современную рекламу «Копить нельзя купить»). Хуже, если контаминация – проявление низкой речевой культуры, а не словотворчества, например, «скрипя сердцем» и т.п.

Еще одним явлением в современном разговорном дискурсе стало уместное и неуместное использование метонимии. Нередко метонимия, связанная со спонтанностью, сиюминутностью речи, поддерживается ситуативной подсказкой: «У меня 3 Китая, 2 Африки и Бельгия. Гремучая смесь!» (разговор преподавателей об интернациональном составе учебной группы). Такой «перевод» высказывания в профессиональный код наблюдается часто: «Это Васильич, гараж!» (т.е. работник гаража). Вместе с тем высокая информативность, сочетающаяся с экономным обозначением, порождает нередко коммуникативный сбой. Так, объявление стюардессы об экстренной посадке самолета «Мы садимся ... Надым...» было воспринято впервые летящими в этом направлении пассажирами, как посадка в тундре на поле, где специально разожгли костры, спасая экипаж, людей (речь на самом деле шла о посадке в городе Надыме). Данный пример демонстрирует проявление еще одного свойства речи – эллиптичности: «Кошелка, проходите!» (обращение к даме с корзинкой), «Я привез зелень» (доллары, а не пряности с дачной грядки).

Распространенной в речи «вариацией» компрессии стали экспрессивы, в особенности грамматические. Механизм их образования заключен в сочетании грамматического сжатия и отклонения от грамматической нормы: «Мелочи ищем!» (обращение водителя к пассажирам в маршрутке), «Ваши плохие самочувствия не в счет» (администратор служащему).

Содержательная сторона современной речи характеризуется не только спонтанностью и компрессией, но и деликатностью: использованием литоты, эвфемизмов, вокативов, приставочного смягчения, цитатного смягчения, избыточности на уровне тавтологии или плеоназма. Позволим вспомнить по выводу литоты анекдот, когда носильщик обращается к грузину с предложением довести до вагона чемодан и слышит в ответ: «Где ты видишь чемодан? Это кошелек». Литота

утвердилась в песенном творчестве («Уси-пуси» Кати Лель) и заняла прочные позиции в речи: «*Выпью капелечку кофе*», «*Выкурю сигареточку*». В ней четко проявляется гендерная – женская – направленность: придать в беспокойное, жесткое время ласковость, чувственность речи в большей степени стараются женщины. Цитатное смягчение в сочетании с наложением смысла также связано со стремлением «облагородить» дискурс: от «*бухгалтер, милый мой бухгалтер*», «*молодая не вполне молода*», «*приятный во всех отношениях*» до «*в связях, порочащих его (её), не замечен(а)*». Компрессия речи не вступает в конфликт с речевой избыточностью. В России всегда умели плести кружева, вышивать витиеватые узоры, в том числе речевые. Вспомним знаменитую сцену из «Мертвых душ» Н.В.Гоголя, которая сделала крылатой фразу «*Позвольте Вам не позволить*». Своеобразная русификация заимствований породила плеоназмы типа *юный вундеркинд, памятный сувенир*. В то же время не стали примером неуместной тавтологии сочетания: *белое белье, петть петухом, криком кричать*. Фольклор, художественная литература отражали в избыточности стремление к красоте слова, слога. Категория деликатности в союзе с избыточностью нашла преломление в приставочном смягчении: «*подсобираю*», «*поднакупили*», «*принаняла*». В русском узусе это явление имеет долгую историю: «... *Сумел я принанять к мадам Розье вторую мать*» (Фамусов Софии в «Горе от ума» А.С. Грибоедова). В приставочном смягчении отражается, кроме стремления к деликатности выражения, речевая традиция русских обозначить некоторое снисхождение к адресату, к себе.

Нельзя не отметить и еще одну очевидную речевую тенденцию – гиперболизацию обозначаемого и обозначающего: «*Без мужа я как без рук!*», «*Что-то ты раскочегарилась!*»

Известно, что гипербола – преувеличение, однако механизм её «сотворения» сложен. В её основу может быть положена аллюзия – высказывание, содержащее скрытый намек, широко известный бытовой, исторический или литературный факт. Так, в следующих стихах А. Блока:

«*Семейство – вздор, семейство – блаж*», –
Любили здесь промолвить гневно.
А в глубине души все та ж
«*Княгиня Марья Алексеевна!*»

– намек на слова Фамусова из комедии А. Грибоедова «Горе от ума». Парадокс – фигура речи, представляющая собой сознательно заостренную формулировку, которая выглядит как противоречивое высказывание: «*Кто отрицает решительно все, тот ничего не отрицает*» (Д. Писарев); парадокс может «поставить» суждение на грань нелепости: *торопись медленно; чем хуже, тем лучше*, но это лишь придает ему особую силу. Парадоксы в современной речи дискредитируют известные заповеди: «*Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра*». Речевая метонимия, относясь к числу важнейших и наиболее употребляемых средств придания речи выразительности, служит и для выражения иронии (*Умный нашелся! вместо глупый*), и для выражения легкого порицания (*Ах, ты, негодяй такий*).

Современный разговорный «рисунок» характеризуют эпитеты, метафоры, сравнения: «*точная талия*», «*лицо как персик*», *сливовый, баклажановый, сливочный* наряду с *сафари, корридой* (в обозначении цвета, например, автомобиля), *танк, покрытый незабудками* (о женском характере), *трактор, бульдозер* (о настойчивом, напористом человеке), *одуванчик* (намек на возраст человека или неприспособленность к жизни); расширение приставочного глаголообразования (*я тебе названиваю, совсем сегодня укомпьютерилась, сильно же ты поистопталась* (изменилась, постарела); изменяющийся состав речевых клише (*Счастливенько! Наше вам с кисточкой! Поехали!* (о начале какой-либо деятельности). Особой активностью отличается искусство делать комплименты от открытого, прямого до тонкого, завуалированного (*Ты нас всегда спасал, поддерживал, тащил... волоком; Ты трудишься как муравей... Пожелаем, так сказать, большому муравью большого плавания; Ваши трехдюймовые глазки...; Ты не даешь себе ни минуты отдыха, даже когда у тебя не все дома*).

Можно ли сейчас, не кривя душой, сказать: «Я люблю тебя, русская речь!»? В.К. Харченко, сторонник толерантного отношения к новым проявлениям в современном разговорном дискурсе, предостерегает исследователей от традиционного сопряжения, противопоставления в соизучении речи положительного и отрицательного, негативного, полагая, что системное описание требует изучения комплекса мотивов, порождающих высказывания (снять напряжение, рассмешить собеседника и др.), требует создания словарей, включающих «позитивную»

разговорную речь (сейчас в этом отношении превалируют иные разработки), требует «каталогизации» речевого материала, носящего пока в исследованиях «репликовый» характер; требует обращения к внутреннему миру носителей русского языка и к изучению иерархии приоритетов русских. Оптимизация представлений о современном русском языке будет способствовать оптимизации представлений о национальном менталитете. В этом, на наш взгляд, глубочайший смысл толерантного анализа современного дискурса. Недаром А.С. Пушкин так обозначил для современников и потомков свои приоритеты в оценке русской речи: *«Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю...»*.

Литература

1. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. – М., 1993
2. Волкова Н.Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Воронеж, 2005
3. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. – М.: Златоуст. СПб, 1999
4. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
5. Харченко В.К. Современная речь. – М., 2006.